

УЗЫ СУДЬБЫ

ВСТУПЛЕНИЕ

Когда на моих курсах по семейной расстановке открывалось что-то особенное, участники часто ждали от меня подробных объяснений тех осознаний, которые к этому привели, и тех, которые из этого вытекали. Так возникли промежуточные размышления по многим темам. В этой главе я приведу такие размышления на тему судьбы и дополню их некоторыми примерами.

Эти размышления были своего рода паузами, во время которых мы переводили дух после одной расстановки и собирались с силами для другой. В них слышится то, что им предшествовало, и намечается то, что еще будет нас занимать. Они не готовились заранее, но возникали сами собой из живого процесса. В них нет окончательности, но есть развитие, иногда в них что-то повторяется, а иногда чего-то не хватает, но все же, поскольку многое в них лишь обозначено, им присуща особого рода насыщенность.

Какие-то из них имеют больше отношения к теме книги, какие-то меньше. Но каждый раз в них звучит что-то новое и по-своему трогает душу.

ДРУГАЯ СУДЬБА

Каждый человек, встреча с которым оборачивается более близким контактом, становится нашей судьбой — а мы его. Ни мне, ни ему этого не избежать. Мы вовлечены в такое количество отношений, что наша жизнь, хотим мы того или нет, протекает в настоящей «паутине» личных судеб. Иногда, когда кто-то пытается уйти от своей судьбы или вины, кто-то другой

берет ее на себя, как если бы это была его собственная судьба. И оказывается переплетен с чужой судьбой. Когда такое переплетение обнаруживается, например в семейной расстановке, из него до какой-то степени можно выйти. Это переживается как освобождение.

Переплетения такого рода неизбежны. Некоторые люди остаются в плену переплетений так или иначе всю свою жизнь. В какой-то мере мы все ими связаны, но некоторые особенно трагическим образом.

Вопрос в том, плохо ли это — быть связанным с чьей-то судьбой? Кто нам сказал, что мы имеем право освобождаться из таких переплетений? А если мы из них освобождаемся — что тогда? Становимся ли мы в самом деле свободнее? Или сразу попадаем в другое переплетение? Если мы соглашаемся в душе с переплетениями, такими, как они есть, и отдаемся им как тому, что находится в ведении бóльших сил, то, оставаясь в них, мы становимся внутренне свободными.

Судьба — вот что ограничивает нашу свободу, и мы не знаем почему. Так, для одной женщины ее особой судьбой стало то, что ее сестра-близнец умерла при рождении. В этом нет ее вины, но это оказывает влияние на всю ее жизнь. Уйти от этой судьбы было не в ее власти. Смерть ее сестры стала судьбой и для ее сына. И для него она тоже была неизбежна.

В семейной расстановке нам иногда удается увидеть, как действует судьба. Когда она открывается, с ней можно примириться. Тогда судьба часто становится к нам дружелюбной. Это не значит, что она обязательно делается легкой, но приняв ее и доверившись ей, даже если она тяжела, мы обретаем силу, которой нет у других. Приведу пример.

ПРИМЕР. МАТЬ И СЫН

Фрагмент курса в Мехико в 2003 году

У 14-летнего подростка пропало желание учиться в школе. Беспokoясь за него, учительница мальчика отправилась к его родителям, чтобы обсудить проблему. Они тоже не знали, как быть, и приняли решение сделать семейную расстановку. Тогда они вместе с ребенком пришли на курс, который я в то время проводил для родителей и учителей трудных детей. Я сделал для них расстановку. Мальчика я поставил рядом с его учительницей, а напротив них — обоих родителей.

Посмотрев на мальчика, я увидел его грусть. Я сказал ему: «Тебе очень грустно». Он заплакал. У его матери тоже потекли слезы. Уже благодаря этой короткой интервенции стало ясно, что проблема мальчика связана с его матерью. Но не столько с ней самой, сколько — как мне показалось — с чем-то, что произошло в ее семье. Поэтому я спросил мать: «Что случилось в твоей родительской семье?» Она ответила: «У меня была сестра-близнец, которая умерла при рождении».

Тогда я ввел в расстановку заместительницу для ее сестры-близнеца. Она стояла на некотором расстоянии и смотрела вовне. Сразу стало видно, что мать тянуло к ее умершей сестре. Я поставил ее за спиной у сестры и спросил, как она себя там чувствует. Она ответила: «Здесь мне хорошо». То есть одно это движение показало, что мать хотела уйти вслед за сестрой в смерть.

Затем я снова поставил мать рядом с ее мужем, а за сестрой вместо нее я поставил ее сына. Когда я спросил, как он себя там чувствует, он сказал: «Здесь мне хорошо». Это второе движение позволило обнаружить, что мальчик хотел вместо матери уйти

к ее сестре, то есть он был готов вместо матери последовать за ней в смерть. Неудивительно, что ему было грустно и больше не хотелось учиться.

Решение

Прежде чем продолжить этот пример, я хочу подробнее описать, что за короткое время обнаруживается благодаря семейной расстановке и какие последствия события из прошлого семьи могут иметь для тех, кто появляется в ней позже.

1. Сами того не сознавая и не имея возможности сопротивляться, мы оказываемся переплетены с судьбами других членов семьи. То есть на наши чувства и поведение часто влияют прошлые судьбы в нашей семье.
2. Семейей как целым управляет некая сила, которая охватывает всех ее членов и берет их на службу, чтобы обеспечить соблюдение определенных порядков.
3. Самый важный порядок, который защищает эта сила, заключается в том, что никто из членов семьи не должен быть из нее исключен. Если такое все же происходит, например, если о ком-то забывают или не хотят вспоминать, поскольку это связано с горем и болью, то это имеет далеко идущие последствия, в чем мы имели возможность убедиться в ситуации с умершей сестрой-близнецом.
4. Первым таким последствием здесь стало то, что мать хотела уйти за своей сестрой в смерть. Она чувствовала тоску и тягу к ней, говоря ей в душе: «Я последую за тобой», но не осознавая, что это за собой влечет.
5. Вторым последствием стало то, что ее сын, когда почувствовал в своей матери эту тягу, сказал в душе: «Лучше я, чем ты», причем он тоже этого не осознавал.

Конечно, мы задаем себе вопрос: что могло бы освободить мать и сына из этого переплетения? Решение обнаружилось, когда я поставил умершую сестру рядом с матерью. Они посмотрели друг другу в глаза и с глубокой любовью обнялись. То есть умершая сестра была снова с любовью принята в семью. Ей больше не нужно было стоять в стороне.

Благодаря этому в семье все изменилось. Мать смогла вернуться к мужу и сказать ему: «Теперь я остаюсь». Потом она смогла вернуться к сыну и сказать: «Теперь я остаюсь, и ты тоже можешь остаться». Лицо мальчика сразу же просветлело, а его грусть испарилась.

Душа

В приведенном выше примере я работал с самими клиентами и лишь для умершей сестры-близнеца взял заместительницу. Но можно работать и только с заместителями. То есть я мог с таким же успехом выбрать заместителей для родителей и мальчика и попросить мать поставить их по отношению друг к другу. Результат был бы тот же самый. Ибо семейная расстановка показывает, что заместители чувствуют и ведут себя так же, как те, кого они замещают, хотя они ничего о них не знают. Они связаны с ними общим знающим полем или, как я предпочитаю говорить, общей душой. Через эту душу члены семьи связаны в расстановке с заместителями, а заместители — с членами семьи. Так что, когда в расстановке получается найти решение, оно непосредственно отражается в том числе на отсутствующих членах семьи, хотя они ничего о нем не знают.

Так, в Израиле в ходе семейной расстановки выяснилось, что трое сыновей клиентки хотели уйти в смерть вслед за их рано умершим отцом. Каждый из них говорил ему в душе: «Я последую

за тобой». Так и отец говорил в душе своим убитым во время холокоста родителям: «Я последую за вами». По крайней мере, такая картина открылась в расстановке. Во время этой работы заместитель отца сказал заместителям своих сыновей: «Если вы действительно меня любите, продолжайте жить». После этого все сыновья по очереди сказали отцу: «Я уважаю жизнь, которую ты мне подарил, я чту ее и крепко за нее держусь. Я буду жить дальше». На следующий день один из сыновей позвонил матери из Индии и, понятия не имея о расстановке, спонтанно сказал ей: «Теперь я буду жить дальше».

Кто виноват или что виновато?

Некоторые люди, видя, что в их семье произошло что-то плохое, или что отношения распадаются, или что кто-то тяжело заболел, задаются вопросом: кто в этом виноват или что в этом виновато?

Что вызывает в душе этот вопрос? Что за ним стоит? Они думают: «Если я буду знать, чья в этом вина, моя или чья-то еще, значит, это можно было предотвратить или изменить». Когда человек спрашивает себя: «Где здесь вина?», в этом подспудно присутствует представление о том, что в его власти (или во власти кого-то другого) было это изменить. То есть он полагает, что этой судьбой можно было управлять.

Признать, что происходит что-то тяжелое и никто в этом не виноват, просто такова воля судьбы, трудно. Например, когда кто-то заболевает или кончает жизнь самоубийством, или когда распадаются отношения. Но такая позиция была бы адекватной. Тот, кто занимает такую позицию, обретает покой. Он отказывается от представления, что это было в его власти. И тогда у него появляются силы на что-то новое. В этой связи я тоже приведу пример.

ПРИМЕР. ДЕТСКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

*Фрагмент курса для онкологических больных
в Зальцбурге в 2000 году*

РАЙНХАРД: У меня карцинома простаты, а средняя дочь уже пять лет страдает анорексией. Это все очень тяжело.

ХЕЛЛИНГЕР: Знаешь, что означает анорексия? Какая динамика за ней стоит? Твоя дочь в душе говорит: «Лучше исчезну я, чем ты, дорогой папа». Это широко распространенная динамика при анорексии. А в чем заключается решение? Скажи своей дочери: «Я остаюсь».

В семейной расстановке три дочери стоят напротив матери. Сам Райнхард встал за своей женой. Видно, что он хочет уйти из семьи. Он делает несколько шагов назад и разворачивается. Хеллингер ставит дочь с анорексией спиной перед отцом, как если бы она не давала ему уйти.

ХЕЛЛИНГЕР дочери с анорексией: Как ты себя там чувствуешь?

ДОЧЬ: Мне хочется плакать. Но в каком-то смысле это избавление. Так лучше, чем раньше.

ХЕЛЛИНГЕР заместителю Райнхарда: Что у тебя изменилось с тех пор, как она стоит перед тобой?

РАЙНХАРД: Мне лучше.

ХЕЛЛИНГЕР Райнхарду: Когда твоя дочь уходит, тебе становится лучше. Это похоже на тайное детское жертвоприношение, старый обычай, который здесь по-прежнему в силе и для родителей, и для ребенка. У родителей есть представление,

что если ребенок уйдет, то им можно будет остаться. А у ребенка — что если он уйдет, то родители смогут остаться.

Послание родителей или, точнее, послание отца в адрес ребенка звучит так: «Умри, чтобы я мог остаться». Ребенок говорит тебе: «Я умру, чтобы ты мог остаться». То, что здесь происходит, это очень архаичная динамика.

ХЕЛЛИНГЕР группе: Когда мы сталкиваемся с чем-то подобным, решение нужно искать в родительских семьях. На уровне одной только нынешней семьи решения не существует.

Райнхарду: Добрая воля здесь не поможет — ни твоя, ни твоей жены. Нам нужно найти другое решение для ребенка.

Отрицаемая несправедливость

ХЕЛЛИНГЕР Райнхарду, когда тот упомянул, что семья его жены была выслана из Чехии: Родители твоей жены были нацистами?

РАЙНХАРД: Нет, совсем наоборот. Там была такая ситуация, что немцев выслали, и им пришлось все бросить и уехать.

ХЕЛЛИНГЕР: Твой аффект тебя выдает, твой моментальный ответ с этим аффектом тебя выдает.

Хеллинггер выбирает трех женщин и одного мужчину в качестве заместителей для чехов и ставит их рядом друг с другом.

ХЕЛЛИНГЕР жене Райнхарда: Что изменилось?

ЖЕНА: Мне приятно их видеть. Мне очень приятно их видеть.

ХЕЛЛИНГЕР: У тебя есть идеи, кто это?

ЖЕНА: Я не знаю, но мне приятно их видеть. Тут что-то есть.

ХЕЛЛИНГЕР: Это заместители чехов.

ЖЕНА: Мне нравится на них смотреть.

Жена идет ко второй чешской женщине, и та ее обнимает. Затем она встает рядом с ней.

ХЕЛЛИНГЕР жене: Как ты сейчас?

ЖЕНА: Мне здесь хорошо, а еще я становлюсь здесь большой.

ХЕЛЛИНГЕР первой чешской женщине: Что у тебя происходит?

ПЕРВАЯ ЧЕШКА: У меня сильно бьется сердце. Для меня это как-то не совсем верно. Меня что-то тянет.

Она делает шаг вперед и смотрит при этом в пол. Она как будто в нерешительности. Потом она разворачивается, смотрит на других чехов и медленно ложится перед ними на пол.

Хеллингера выбирает заместителей для родителей жены и ставит их перед лежащей на полу чешской женщиной. Третью чешку начинает бить сильная дрожь.

ХЕЛЛИНГЕР матери жены: Что у тебя?

МАТЬ ЖЕНЫ: Я ужасно боюсь. Оттуда, спереди, я чувствую угрозу. Я хочу к детям. Думаю, там мне будет лучше.

ХЕЛЛИНГЕР: Иди со своим движением.

МАТЬ ЖЕНЫ: Я не могу двигаться.

ХЕЛЛИНГЕР отцу жены: Что у тебя?

ОТЕЦ ЖЕНЫ: Когда я смотрю на чехов, мне бесконечно грустно.

ХЕЛЛИНГЕР третьей чешке: Что у тебя?

ТРЕТЬЯ ЧЕШКА: Я полностью сосредоточена на отце жены и думаю: «Только ничего мне не делай».